

Посвящается памяти Чехова.

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 26.

VI г. изд.

А. П. Чеховъ.

Къ десятилѣтію со дня кончины.
(1904 — 2 іюля — 1914 г.)

Щѣна отд. № 15 коп.

Воскресенье, 29-го іюня,
1914 года.

Чеховъ въ Художественномъ театрѣ.

Первый актъ.

„Чайка“.

Фот. Шерръ и Набольтцъ.

Хѣмецкая критика о „Чайкѣ“.

Приводимъ характерный отзывъ нѣмецкой критики о чеховской „Чайкѣ“. Статья, нами переведенная, была напечатана въ „Die Schaubühne“. Она примѣчательна, какъ типическій образецъ суждений иностранцевъ о „русской психологiи“, на ихъ взглядъ всегда лишь инертной и вялой; какъ антитеза этимъ робкимъ людямъ съ робкой душой—кажется критику Тригоринъ съ его рѣшительностью въ дѣлахъ любви. Но и Тригоринъ принужденъ уступить: такова „русская душа“. Но отзыву нельзя отказать въ чуткости и въ пониманiи обшлаго замысла Чехова...

эпиромъ, и затѣмъ снова парализующая неподвижность пространства на все и на всѣхъ. Казалось бы, что такое содержание можетъ хватить только на маленькiй очеркъ; но эти четыре большiе акта можно прочесть, не соскучившись ни на одну минуту.

Всюду проглядываетъ богатая и въ то же время скромная, стыдливая повседневная поэзія. Слѣзавъ съ участіемъ, гораздо болѣе цѣннымъ, нежели напряженіе, вызываемое въ насъ захватывающими событіями, какъ между всѣми этими людьми завязываются и распутываются нити любви и страданiй, затронуваются и звучатъ рождественныя струны. Тихая музыка души несмысленно прокладываетъ себѣ дорогу къ душамъ лучшихъ людей.

„Чайка“—драма Антона Чехова. И даже скорѣе драма, а слѣдствіе неясныхъ настроенiй, или вѣрнѣе: повтореніе одного и того же настроенiя подавленности. Люди движутся и существуютъ какъ въ непроницаемомъ, захватывающемъ дыханіи, туманѣ. Люди не могутъ ни какъ слѣдуетъ жить, ни какъ слѣдуетъ умереть, но скорѣе они способны на послѣднее. Люди тоскуютъ о болѣе свѣтлой, болѣе красивой и легкой жизни, они стремятся отъ печальныхъ оковокъ къ веселому простору, но при всемъ томъ у нихъ есть только желаніе освободиться, но нѣтъ на это силъ. Они любятъ; но при серьезности и глубинѣ чувства, любовь ихъ несчастна. Артистка Аркадина въ свои сорокъ лѣтъ любить молодого писателя Тригорина; Тригорина любитъ также и начинающая актриса Нина Зарѣчная; ее въ свою очередь любить молодой писатель Константинъ; его любитъ Маша; а Машу—учитель Мелавѣнко; и то, что отивѣвшая жена управляющаго, не колеблясь, предлагаетъ себя пятидесятилѣтнему врачу и получаетъ отказъ, является какъ бы сатирой на всѣ эти трагедіи. Трагизмъ не уменьшается и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не доходитъ до катастрофы; средствъ борьбы съ этимъ трагизмомъ по Чехову существуетъ только три: нужно совсѣмъ не имѣть души, какъ Аркадина; нужно перешагнуть за пятьдесятъ, какъ докторъ Дорнъ; нужно умѣть отдалиться отъ жизни и смотрѣть на нее только какъ на кладовую матеріала для литературныхъ произведенiй, какъ это дѣлаетъ Тригоринъ.

Тригоринъ смотритъ на женщинъ какъ на чашки: онъ подстрѣливаетъ ихъ и оставляетъ ихъ въ покоѣ, или же претворяетъ ихъ въ литературные образы; но въ одинъ прекрасный день и онъ тоже попадаетъ въ сѣть, которая, если не совсѣмъ, то все же въ значительной мѣрѣ ограничиваетъ его свободу. То обстоятельство, что эгоистичное и по праву своего таланта наиболѣе законное стремленіе должно сильно сократиться, является доказательствомъ возрѣнія Чехова-пессимиста, не вѣрящаго ни въ какое счастье въ этой жизни и признающаго развѣ только сомнительное счастье ничтожныхъ людей, да и то въ исключительныхъ случаяхъ. То, что Тригоринъ, гораздо болѣе сильная натура, чѣмъ всѣ остальные персонажи пьесы, уступаетъ такъ фаталистично, почти безъ сопротивленія, придаетъ всему произведенію основной тонъ меланхолической покорности—его главное очарованіе. И можно только удивляться сколько модуляцій создалъ авторъ изъ этого одного основного тона. Все дѣйствіе заключается въ томъ, что усталые и нудные люди терзаютъ другъ друга, что жуткая тишина внезапно прерывается подавленнымъ выстрѣломъ, напоминающимъ по звуку лопнувшую банку съ